

ВЕРТИНСКИЙ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ (1889 – 1957)

А.Н. Вертинский – брат милосердия в годы Первой мировой войны
Вертинский А. Дорогой длиною. М., 1991.

Александр Вертинский родился 19 марта 1889 г. в Киеве в семье мелкого чиновника. Его отец, Николай Петрович, происходил из семьи железнодорожного служащего, был частным поверенным и немного занимался журналистикой. Мать, Евгения Степановна Сколацкая, родилась в дворянской семье. Она не состояла в официальном браке с отцом Вертинского, поскольку первая жена Николая Петровича ни за что не хотела дать мужу развод; он был вынужден усыновить своих детей, рожденных в гражданском браке - старшую дочь Надежду и сына Александра.

Дети рано лишились родителей. Когда младшему Александру было три года, умерла мать, а спустя два года погиб от скоротечной чахотки отец. Брата и сестру взяли на воспитание сестры матери в разные семьи. Всячески препятствуя их общению, тетки сообщили Александру заведомую неправду о смерти его сестры.

Гимназические годы Вертинский провел в 1-й императорской Александрьевской гимназии, откуда он был довольно быстро исключен за неуспеваемость и дурное поведение, а позднее - в 4-й Киевской классической гимназии.

Уже в эти годы Вертинский увлекся театром, выступал в любительских спектаклях и, в качестве статиста, на сцене киевского Соловецкого театра. В отличие от эстрадных звезд начала XX в., пришедших на эстраду с опереточной, а то и с оперной сцены, Вертинский вышел из литературной среды. Он сам писал: «Я не могу причислить себя к артистической среде, а скорее к литературной богеме. К своему творчеству я подхожу не с точки зрения артиста, а с точки зрения поэта, меня привлекает не только исполнение, а подыскание соответствующих слов, которые зазвучат на мой собственный мотив».

Его развитие как творческой личности, его мировоззрение и творческий стиль начали складываться в киевском литературном собрании Софьи Николаевны Зелинской. В ее доме собирались многие интересные люди: поэты Михаил Кузмин, Владимир Эльснер, художники Александр Осмеркин, Казимир Малевич, Марк Шагал, Натан Альтман. Вертинский проникался их философией, эстетикой, приобретал духовный и творческий опыт. В этот период он пробует заняться литературным трудом: в газете «Киевская неделя» появляются его рассказы - «Портрет», «Папиросы “Весна”», «Моя невеста», а в еженедельнике «Лукоморье» - рассказ «Красные бабочки». Молодой поэт пишет театральные рецензии на выступления крупных знаменитостей - Шаляпина, Вяльцевой, Вавича, Ансельми, Каринской, Руффо. Постепенно его имя становится известным в среде киевской творческой интеллигенции.

В 1909 - 1910 гг. Вертинский переехал в Москву, стремясь найти себя и сделать карьеру. Молодым непризнанным талантам нужно было почувствовать себя «своими» в среде московской интеллигенции,

почувствовать себя допущенными в ту касту, которая творила настоящее искусство, в которую входили знаменитые писатели и художники, чьи имена были у всех на слуху, и перед которыми благоговела творческая молодежь.

Вертинский играл в маленьких студиях и кружках небольшие роли в модных пьесах, пытался поставить пьесу Блока «Балаганчик». Блок был одним из самых любимых поэтов просвещенной молодежи того времени, и Вертинский любил и ценил его творчество всю жизнь. Сам артист писал в своих воспоминаниях о поэзии Блока, как о «стихии, формирующей наш мир»: «В нашем мире богемы каждый что-то таил в себе, какие-то надежды, честолюбивые замыслы, невыполнимые желания, каждый был резок в своих суждениях, щеголял надуманной оригинальностью взглядов и непримиримостью критических оценок. А надо всем этим гулял хмельной ветер поэзии Блока, отравившей не одно сердце мечтами о Прекрасной Даме...» Сам Вертинский не подражал Блоку, но некоторые поэтические образы производили на него столь сильное впечатление, что все его восприятие жизни было в определенный период времени очень «блоковским».

А.Н. Вертинский в костюме Пьеро (Бухарест)
Вертинский А. Дорогой длинною. М., 1991.

В начале 1912 г. Вертинский поступил в театр миниатюр М.А. Арцибушевой, где выступал с небольшими пародиями. Одной из первых его работ стал номер под названием «Танго» (этот танец был новым, но уже очень модным): балетная пара танцевала танго, а он, стоя у кулис, исполнял песенку-пародию на действие на сцене. Номер имел успех, и Вертинский получил рецензию в прессе: полторы строчки в «Русском слове». А это была уже настоящая победа над безвестностью.

В 1913 г. он попытался исполнить свою мечту - поступить в МХТ, однако не был принят из-за дефекта дикции: экзамен принимал сам Станиславский, которому не понравилось, что молодой человек плохо выговаривает букву «р».

С 1912 г. Вертинский весьма успешно снимался в немом кино («Король без венца», «От рабства к воле», «Чем люди живы»). На съемочной площадке он подружился со звездами русского кино начала XX в. - И. Мозжухиным и В. Холодной. Многие сценарии немых фильмов в то время писали на сюжеты популярных романсов, и один из сценариев был основан на стихотворении Вертинского «Бал Господень». Тогда же он познакомился с Маяковским и выступал в кафе футуристов вместе с ним, однако футуризм как направление в искусстве оказал на его творчество куда более слабое влияние, чем можно было бы предположить. Футуризм рассматривался молодым артистом как возможность эпатировать публику, обратить на себя внимание, выделиться. Мир футуристов, их философия и творческая позиция не были близки Вертинскому. За исключением Маяковского, талантом которого Вертинский искренне восхищался, футуристы, по его мнению, просто «эпатировали буржуа, писали заумные стихи, выставляли на выставках явно издевательские полотна и притворялись “гениями”».

На творчество Вертинского оказали влияние поэзоконцерты И. Северянина, но преимущественно с точки зрения эстетики стиха. О Северянине он писал, что в его стихах было подлинное чувство, талант и

искренность, но не хватало вкуса, чувства меры и неподдельности чувств.

В конце 1914 г. Вертинский отправился добровольцем на фронт санитаром на 68-м санитарном поезде Всероссийского союза городов, который курсировал между передовой и Москвой. Он прослужил на поезде до весны 1915 г., когда после небольшого ранения вернулся в Москву. В поезде была книга, где записывались все перевязки раненых, и, когда Вертинский окончил свою службу, на его счету было 35 тыс. перевязок.

После возвращения в Москву Вертинский продолжал выступать в театре миниатюр Арцибушевой, но уже с собственным номером - «Песенками Пьеро». В качестве «аризток Пьеро» он исполнял свои стихи, положенные им на музыку, чаще всего собственного сочинения: «Маленький креольчик», «Ваши пальцы пахнут ладаном», «Лиловый негр» (посвященные Вере Холодной), «Сероглазочка», «Минуточка», «Я сегодня смеюсь над собой», «За кулисами», «Панихида хрустальная», «Дым без огня», «Безноженка», «Бал Господень», «Пес Дуглас», «О шести зеркалах», «Jámais», «Я маленькая балерина» (в соавторстве с Н. Грушко), «Кокаинетка» (слова В. Агатова).

Со своими песенками Вертинский выступал также в Петровском театре, в кабаре «Жар-птица», в театрах миниатюр. Критика быстро отозвалась на его растущий успех (статьи С. Городецкого и Б. Савинича в газетах «Рампа и жизнь» и «Театральная газета»).

Загадкой оставалась неизменная популярность Вертинского в любой аудитории. Часто причину его успеха видели в том, что его творчество «отразило кризис духовной культуры общества». Скорее, его крайне индивидуалистичные стихи оказались «впору каждому». Для него было характерно написание цикла стихов как «вариаций на тему», представление своеобразной галереи символов одного образа, перенесение человеческих эмоций на неодушевленные предметы, использование экзотических названий и неожиданных сравнений как попытка ослабить или же совершенно снять довлеющее ощущение материальности мира. При этом в своих стихах он стремился показать, что никем не понятый и одинокий человек беззащитен перед лицом огромного безжалостного мира. Этому миру безразлично, что смерть близкого человека, разлука с любимой женщиной, безответная любовь и, наконец, банальная измена являются, может быть, самой страшной трагедией в масштабах маленькой вселенной отдельно взятого человека. Именно поэтому его песенки оказались «впору каждому»: каждый мог увидеть в них себя. Вместе с тем он избавился от традиций русского романса, которые уже стали рутинной, и предложил эстраде другую песню - более утонченную, изящную, связанную с эстетикой новейших течений в искусстве и культуре. Но прежде всего - авторскую, художественную песню.

Вертинскому удалось создать новый жанр, которого еще не было на русской эстраде. Сам артист неоднократно говорил: «Я был больше, чем поэтом, больше, чем актером. Я прошел по нелегкой дороге новаторства, создавая свой собственный жанр...»

Привлекательным для публики был также особенный стиль Вертинского, его сценическая маска. С середины 1915 по конец 1917 гг. артист выступал в гриме печального Пьеро. Казалось бы, белый Пьеро не годился для исполнения лирических и даже трагических песенок о любви, дружбе и смерти. Пьеро - буффон комедии дель арте, маска из итало-французского трагифарса. Однако для искусства начала XX в. был характерен поиск маски, неповторимого образа. Зритель шел «на маску», и ее стремились использовать самые разные деятели искусства: желтая кофта Маяковского, бархатная блуза и кудри Блока, экзотическая поза Северянина - все это поиск маски, уникального места в искусстве. Искусственная личина чаще всего и является подлинной сущностью надевшего маску и отождествляется в его сознании и в сознании окружающих с образом, который маска отражает. Маска возводит форму в превосходную степень. На выбор сценической маски Вертинским оказала влияние поэзия Блока, которой он очень увлекался, в частности - пьеса «Балаганчик» и цикл стихов «Маски».

Сам артист утверждал, что этот грим родился спонтанно во время его работы на санитарном поезде, когда он и другие молодые санитары давали небольшие «домашние» концерты для раненых и грим на сцене был необходим исключительно из-за сильного чувства неуверенности и растерянности перед переполненным залом. Но выбор маски Пьеро был не случаен. Образ многострадального шута как нельзя лучше соответствовал той роли утешителя, которую выбрал себе артист. На эстраде это было нечто новое. Образ Пьеро отражал внутренний мир молодого Вертинского. Позднее у него появилась маска нигде не виданного черного Пьеро. Эта маска помогала артисту входить в образ, давала соответствующий эмоциональный настрой перед выходом на сцену, пробуждала необходимые чувства.

Пьеро - комичный страдалец, наивный и восторженный, вечно грезящий о чем-то печальный шут, в котором сквозь комичную манеру видны истинное страдание и истинное благородство.

Вертинский с первых же мгновений своего появления на сцене уводил зрителей в свой призрачный мир. Впечатление дополняли умело созданные декорации и «лунный» свет: «Он выходил на сцену уже основательно загримированным и в специально сшитом костюме Пьеро. В мертвенном, лимонно-лиловом свете рамп густо напудренное лицо его казалось неподвижной, иссушенной маской. Лишь «алая рана рта» и страдальчески вздрагивающие брови обозначали «тлеющую человеческую жизнь». Образ черного Пьеро, появившийся позднее, был иным: мертвенно-белый грим на лице заменила маска-домино, белый костюм Пьеро заменило совершенно черное одеяние, на котором ярко выделялся белый шейный платок. Иным было и впечатление зрителей. Новый Пьеро стал в своих песенках ироничнее и язвительнее прежнего, поскольку утратил наивные грезы юности и разглядел будничную простоту и безучастность окружающего мира.

В 1916 г. Вертинский пользовался уже всероссийской популярностью. К 1917 г. артист объехал почти все крупные города Российской империи, где выступал с неизменным успехом. Он отказался от маски Пьеро и начал выступать в концертном фраке, в котором выступал всю жизнь, никогда не отступая от этого сценического костюма, ставшего тоже своеобразной маской или, если угодно, своеобразным символом.

После большевистского переворота Вертинский пришел к выводу, что ему не ужиться с новой властью. Романс «То, что я должен сказать», написанный под впечатлением гибели трехсот московских юнкеров, возбудил интерес ЧК, куда и вызвали артиста для дачи объяснений по поводу сочувствия к врагам революции. Сохранилась легенда, будто бы Вертинский возмущенно заметил чекистам: «Это же просто песня, и потом, вы же не можете запретить мне их жалеть!». На что получил четкий и лаконичный ответ: «Надо будет, и дышать запретим!»

Это Вертинскому совершенно не подходило, поэтому в конце 1917 г. он отправился вместе со многими своими коллегами гастролировать по южным городам России. Почти два года он провел на юге, давал концерты на подмостках маленьких театров и в литературно-художественных обществах; объехал Екатеринослав, Одессу, Харьков, Ялту, Севастополь.

Вертинский покинул Россию в начале 1920 г., выехав в Константинополь на пароходе «Великий князь Александр Михайлович». Причины своей эмиграции много позднее он определял так: «Что толкнуло меня на это? Я ненавидел Советскую власть? О нет! Советская власть мне ничего дурного не сделала. Я был приверженцем какого-либо другого строя? Тоже нет... Очевидно, это была страсть к приключениям, путешествиям. Юношеская беспечность». Скорее всего, на него оказали влияние и первое знакомство с новой властью в ЧК, и настроения творческой интеллигенции, и беспощадность классовой борьбы, развернувшейся прямо у него перед глазами, и мрачное предчувствие того, что слово «свобода» с головокружительной быстротой становится пустым звуком.

В Константинополе Вертинскому жилось сравнительно неплохо. Он выступал в самых дорогих и фешенебельных кабаре «Черная роза» и «Стелла», пел цыганские романсы, стилизованные русские песни и мечтал о гастролях по Бессарабии, концертах перед «своей», русской, публикой. Артисту удалось купить греческий паспорт, что открывало возможности для свободного передвижения по миру и выводило его из категории эмигрантов, стремящихся получить хотя бы вид на жительство.

А.Н. Вертинский в Париже
Вертинский А. Дорогой длиною. М., 1991.

В Румынии Вертинский был принят очень тепло, он мог наконец-то петь свои песни, выступая перед русским зрителем. Однако он был выслан из страны как неблагонадежный элемент, разжигающий антирумынские настроения среди русского населения присоединенной Бессарабии. Причиной подобного обвинения послужил ошеломляющий успех у русских песни «В степи молдаванской».

Артист отправился в Польшу, где провел 1922 и 1923 гг. Тогда Вертинский впервые обратился в советское консульство в Варшаве с просьбой о возвращении в Россию. На его прошение поставил положительную резолюцию тогдашний советский полпред в Польше П.Л. Войков, по совету которого он и предпринял эту попытку. Но ему отказали.

Вертинский с большим успехом гастролировал в Австрии, Венгрии, Ливане, Палестине, Египте, Ливии, Германии. В Берлине он прожил с 1923 по 1925 г., там же женился на дочери русских эмигрантов Потоцких, Надежде, с которой познакомился в Сопоте. Однако семейная жизнь не сложилась, и пути молодых супругов быстро разошлись. Вновь они встретились уже в Шанхае, когда встал вопрос о втором браке Вертинского.

Вертинский уже стал мировой знаменитостью, но когда он попытался вторично обратиться к главе советской делегации А. Луначарскому во время ее пребывания в Берлине с просьбой о возвращении на родину, ему снова отказали.

Гастроли по странам Центральной и Восточной Европы оказались не легкими, особенно из-за отношения публики к артистам, выступавшим в ресторанах: оно было не таким восторженным и снисходительным, как в дореволюционной России. Вертинский писал: «Все наши актерские капризы и фокусы на родине терпелись с ласковой улыбкой. Актер считался высшим существом, которому многое прощалось и многое позволялось. От этого пришлось отвыкнуть на чужбине. А кабаки были страшны тем, что независимо от того, слушают тебя или нет, артист обязан исполнять свою роль, публика может вести себя как ей угодно, петь, пить, есть, разговаривать или даже кричать...»

Исключение составляла Франция, где отношение к артистам было смесью гордости и восхищения, как к высшим существам. Поэтому Вертинский отправился в Париж, куда стремилась вся творческая эмигрантская интеллигенция.

Он прожил во Франции почти десять лет - с 1925 по 1934 гг. Эта страна пользовалась наибольшей любовью артиста после родной России: «...Моя Франция - это один Париж, но зато один Париж - это вся Франция! Я любил Францию искренне, как всякий, кто долго жил в ней. Париж нельзя было не любить, как нельзя было его забыть или предпочесть ему другой город. Нигде за границей русские не чувствовали себя так легко и свободно. Это был город, где свобода человеческой личности уважается... Да, Париж... это родина моего духа! Ни с одним городом мира у меня не связано таких воспоминаний, как с ним!»

Здесь Вертинский выступал в «Большом московском эрмитаже», «Казанове», «Казбеке», «Шахерезаде». Именно на этот период приходится расцвет его творческой деятельности.

В эмиграции им были созданы многие из его лучших песен: «Пани Ирена», «Венок», «Баллада о седой госпоже», «В степи молдаванской», «В синем и далеком океане», «Концерт Сарасате», «Испано-Сюиза», «Сумасшедший шарманщик», «Мадам, уже падают листья», «Танго “Магнолия”», «Песенка о моей жене», «Дни бегут», «Piccolo Bambino», «Femme gaffineè», «Джимми», «Рождество», «Палестинское танго», «Оловянное сердце», «Желтый ангел», «Марлен», «Ирине Строчи».

Многие песни имеют свою легенду, историю создания. Одним из ярких примеров является история песенки «Концерт Сарасате». Вертинский с удовольствием рассказывал, что в 1930 г. в Черновицах он слушал игру Владеску, одного из «пяти ресторанных знаменитостей - королей цыганского жанра». Его женой была знаменитая актриса Сильвия Тоска, которая из-за любви к нему бросила сцену, а Владеску обращался с ней, как тиран. Это произвело на Вертинского большое впечатление, а через три года в Берлине в «Блютнер-зале» Вертинский исполнил «Концерт Сарасате» перед самим Владеску, который ожидал хвалебной речи в стихах, адресованной ему. В песне Вертинский выразил свой гнев по поводу его отношения к знаменитой актрисе, подарившей ему свою любовь. Это была публичная казнь, после которой Владеску, по словам Вертинского, не знал, куда бежать, не мог подняться со своего места, а после концерта явился за кулисы с намерением поколотить обидчика, но под влиянием момента разрыдался и раскаялся. Этот эпизод прибавил песенке популярности, ее просили на многих концертах, стремясь представить, как же все это было тогда, в Берлине.

В Париже Вертинский общался с И. Можухиным, Ф. Шаляпиным, С. Лифарем, А. Павловой, Ю. Морфесси, Н. Плевицкой, Т. Красавиной, Н. Балиевым, С. Рахманиновым. Здесь же он познакомился с Чарли Чаплиным, Мэри Пикфорд, Марлен Дитрих, Гретой Гарбо. Именно они подали Вертинскому мысль о гастролях в США.

Осенью 1934 г. пароход «Лафайет» увез Вертинского в Америку. Он гастролировал в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Чикаго. В США он ощутил настороженность, растерянность, как и большинство европейских артистов, которые в Америке обычно чувствовали себя неуверенно, особенно появившись тут впервые.

Нью-Йорк не был похож на города Европы: «Я не пришел в восторг от Нью-Йорка. День и ночь по его улицам катится лавина спешащих людей, летят бумажки, подгоняемые ветром, орут газетчики, продавцы, мчатся машины; люди спешат как на пожар... Америка вообще очень утомляет». Здесь Вертинский выступал в «Таун-холле», в крупных мюзик-холлах, имел успех. В Голливуде ему предложили сниматься в фильме, но сценарий был написан на английском языке. Неплохо владея немецким и в совершенстве зная французский, он не переносил английскую речь. Он промучился с языком несколько месяцев и даже получил «филологический» совет от Марлен Дитрих – «преодолеть отвращение любого нормального человека и взять себя в руки». Однако «взять себя в руки» не удалось, и Вертинский отказался от съемок.

Вертинский был популярен не только в среде эмигрантов как бард ностальгии, он приобрел мировую известность. Несмотря на то что он исполнял свои песни исключительно на русском языке, Вертинский имел поклонников во всех странах мира. Секрет успеха был все тот же. Тексты многих песен Вертинского были автобиографичными, он не боялся открыть людям то, что больше всего их тревожит и о чем, как правило, молчат. Он не отступал от своего кредо: нет ничего важнее человеческой души, внутреннего мира человека, его чувств, переживаний, страданий, отношений, из чего складывается жизнь. Успеху Вертинского способствовали его великолепные артистические данные и уникальная исполнительская манера: с первых минут общения с аудиторией артист понимал, с какими людьми ему предстоит иметь дело. Оттеняя тонкими нюансами исполнение своих песенок, он мог придать им иной смысл, рассмотреть их под другим углом зрения, сделать более близкими и понятными именно этой аудитории.

В октябре 1935 г. Вертинский уехал в Китай в надежде обрести русского слушателя в лице большой эмигрантской общины в Шанхае. Там он впервые в своей эмигрантской жизни узнал нужду. Вдобавок для артиста, привыкшего вращаться в мировых центрах, жизнь в Китае выглядела очень провинциальной. Он пел в кабаре «Ренессанс», в летнем саду «Аркадия», в кафе-шантане «Мари-роуз», но это были очень скромные заведения, где было не так уж много посетителей и не такое уж высокое

жалование для артистов. В жизни наступил кризис, в этот момент Вертинского пригласили в советское посольство и предложили вернуться на родину, предъявив официальное приглашение ВЦИКа, вдохновленное инициативой комсомола.

Шел 1937 г. Для Вертинского приглашение было большой неожиданностью, и он ухватился за него. Желая как можно скорее разделаться с долгами, чтобы уехать в Советский Союз, он решился вступить в рискованное предприятие: стал совладельцем кабаре «Гардения». Но уже через месяц кабаре потерпело финансовый крах.

Тогда же артист начал работать в советской газете «Новая жизнь» в Шанхае, выступать в клубе советских граждан, участвовать в передачах радиостанции ТАСС, готовить воспоминания о своей жизни за рубежом. Так он пытался продемонстрировать лояльность к Советской власти, почувствовать себя полноправным гражданином родной страны. Однако бумаги на въезд в СССР задерживались, в том числе и по причине начавшейся Второй мировой войны.

26 мая 1942 г. Вертинский вступил во второй брак с Лидией Владимировной Циргвава, 20-летней дочерью служащего КВЖД.

Творчество Вертинского шанхайского периода имеет совсем иную окраску, нежели европейского. Он писал песни на стихи советских авторов и сам сочинял патриотические тексты. Потому что он был русским. И потому, что его родина подвергалась страшной опасности, и это волновало всех, кто рядом с ним. И потому, что им владели мысли о новой жизни на неизвестной родине. И потому, что важно было объяснить всем: теперь он - вместе с той Красной армией, от которой в 1920 г. бежал в эмиграцию.

Так родились песни «О нас и о родине», «Наше горе», «В снегах России», «Иная песня», «Китеж».

Любовная лирика, несмотря на счастливый роман и последующий брак, стала безрадостной и трагичной, несла отпечаток кризиса жизни в целом, в ней не осталось ничего от романтической светлой грусти его лирических стихов предыдущих лет. «Прощание», «Ненужное письмо», «Бар-девочка», «Убившей любовь», «Спасение», «Обезьянка Чарли», «В этой жизни ничего не водится», «Осень» – довольно горькие стихи. Некоторое исключение составляет стихотворение «Без женщин», написанное с прелестной иронией, героем которого является блестящий, симпатичный, кокетливый любимец женщин, встающий в позу остепенившегося, приличного джентльмена. А также стихотворение «Прощальный ужин», которое можно назвать классикой Вертинского.

После японской оккупации материальное положение семьи стало очень тяжелым, Вертинский отчаялся получить разрешение вернуться на родину. Тем не менее в 1943 г. он предпринял последнюю попытку: написал письмо на имя В.М. Молотова. Разрешение неожиданно было получено.

В конце 1943 г. семья Вертинских с четырехмесячной дочерью Марианной поселилась в Москве, на улице Горького. В конце 1944 г. в семье родилась вторая дочь - Анастасия.

Вертинский прожил на родине 14 лет. Все это время он интенсивно работал, постоянно выступал с концертами и имел успех. География его гастрольных поездок простиралась от Мурманска до Еревана, от Риги до Петропавловска-Камчатского. В 50-х гг. он снимался в кино: «Заговор обреченных», «Великий воин Албании Скандербег», «Анна на шее». В 1951 г. он получил государственную премию.

Казалось бы, жизнь на родине складывалась крайне счастливо и удачно. Однако из ста с лишним песен из репертуара Вертинского к исполнению в СССР было допущено не более тридцати. На каждом концерте присутствовал цензор, который зорко следил, чтобы артист не выходил за поставленные рамки. Концерты в Москве и Ленинграде были редкостью, на радио Вертинского не приглашали, пластинок почти не издавали, не было рецензий в газетах. Выступал он в основном в провинции, в маленьких отдаленных городках, где были тяжелые бытовые условия, крайне долгая дорога несколькими видами транспорта, а Вертинский был уже немолод, и это тоже создавало ему проблемы. Трудности компенсировались восторженными аплодисментами молодежи и слезами пожилых, среди которых, как в Астрахани, было немало представителей дореволюционной интеллигенции, высланных из Ленинграда и Москвы в отдаленные города.

Артист прекрасно понимал, что официально он не признан, но лишь юридически терпим. А залы были

переполнены. «Где-то там... наверху все еще делают вид, что я не вернулся, что меня нет в стране. Обо мне не пишут и не говорят ни слова. Газетчики и журналисты говорят: «Нет сигнала». Вероятно, его и не будет. А между тем я есть! Меня любит народ (Простите мне эту смелость.) Я уже по 4-му и 5-му разу объехал нашу страну, я заканчиваю третью тысячу концертов!» Это письмо за год до смерти Вертинский написал заместителю министра культуры.

Материальные трудности усугублялись духовным и душевным одиночеством артиста, привыкшего общаться с творческой и духовной элитой европейских столиц. «Я перебрал сегодня в уме всех своих знакомых и «друзей» и понял, что никаких друзей у меня здесь нет! Каждый ходит со своей авоськой и хватает в нее все, что ему нужно, плюя на остальных. И вся психология у него «авосечная», а ты - хоть сдохни - ему наплевать! <...> Ты посмотри эту историю со Сталиным. Все фальшиво, подло, неверно. На съезде Хрущев сказал: «Почтим вставанием память 17 миллионов человек, замученных в лагерях...» Ничего себе?! Кто, когда и чем заплатит за «ошибки» всей этой сволочи?! И доколе будут измываться над нашей Родиной? Доколе?» - написал артист своей жене в 1956 г.

За 14 лет жизни в СССР Вертинский написал всего чуть более двадцати стихов: «Доченьки», «Салют», «Пред ликом Родины», «Птицы певчие», «Отчизна», «Жене Лиле», «Детский городок».

Вертинский умер 21 мая 1957 г. в ленинградской гостинице «Астория» в возрасте 68-ми лет. Похоронили его в Москве, на Новодевичьем кладбище.

Сочинения:

Вертинский А.Н. Четверть века без Родины. Киев, 1989.

Вертинский А.Н. Ариетки Пьеро: песни. Пермь, 1995.

Вертинский А.Н. Дорогой длинною... М., 1991.

Литература:

Бабенко В. Артист Александр Вертинский: материалы к биографии. Размышления. Свердловск, 1989.

Бабенко В. Арлекин и Пьеро: Н. Евреинов и А. Вертинский: материалы к биографии. Екатеринбург, 1992.

Бардадым В. Александр Вертинский без грима. Краснодар, 1996.

Макаров А. Александр Вертинский. М., 1998.

Савченко Б. Александр Вертинский. М., 1989.